

На правах рукописи

Шкарин Дмитрий Леонидович

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА СОВРЕМЕННОСТИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

09.00.11 – Социальная философия

Автореферат
диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Рыбин Владимир Александрович

Официальные оппоненты:

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», отделение социально-гуманитарных наук, профессор

Кондрашов Петр Николаевич, доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, отдел философии, ведущий научный сотрудник

Куликов Михаил Вячеславович, кандидат философских наук, федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний», кафедра гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин, доцент

Защита состоится 11 марта 2022 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета «НИ ТГУ.09.01», созданного на базе философского факультета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 4 ТГУ, аудитория 306).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/ec7dae4b-3a71-4c0c-b127-18b0f621dff9>

Автореферат разослан « ____ » февраля 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юрьев Роман Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В диссертационной работе поставлена актуальная задача сопоставления социально-философских концепций субъекта, поскольку текущая эпоха характеризуется серьезными качественными сдвигами на всех уровнях функционирования общества, включая субъектный аспект духовно-практической деятельности человека.

Эти изменения сформировали широкий спектр новых возможностей: освобождение от прежней обусловленной низкой производительностью зависимости от природы, организационно-технологическое обеспечение ресурсной базы человеческого существования, продление и улучшение качества жизни. Но и эти же изменения оказались сопряжены с нарастающим массивом рисков и угроз. При этом протекают они на фоне глобального системного, экономического и экологического кризисов, чреватых полной утратой контроля над процессами социального управления и промышленного воздействия на природу.

Данное реально-практическое противоречие закономерно проецируется на идеально-теоретический уровень, где оно обретает форму противоречия между несомненной антропологической производностью текущей социальной реальности, ее «субъектной обусловленностью» и наблюдаемой непредсказуемостью результатов человеческой активности. Это обстоятельство не позволяет ставить вопрос в субъектной плоскости, поскольку само понятие субъекта, заведомо предполагающее его интерпретацию в качестве источника самостоятельной деятельностной и познавательной активности, выглядит в данном случае парадоксально. Острота данного противоречия смягчается, если говорить о *качестве субъектности*, имея в виду коллизии ее самореализации, подразумевая исторически конкретный уровень воплощения этого качества в его носителе.

На роль социального субъекта современности выдвигается отдельный человеческий индивид. Предопределено данное обстоятельство сменой прежнего социального субъекта, доминировавшего в традиционную эпоху и представленного коллективом общинного типа, в «протоплазму» которого была погружена человеческая индивидуальность, новым социальным субъектом в образе автономного индивида, который, начиная с Нового времени и последующей индустриальной эпохи, постепенно стал главным элементом социального целого в обществах европейского типа. Кроме того, опыт XX века убедительно доказал, что любые попытки формировать социальную реальность, отвлекаясь от человеческих индивидов как субъектов социального процесса,

не ведут к успеху. Таким образом, *автономный индивид как основной элемент современного атомизированного социума, под давлением внешних и внутренних обстоятельств трансформирующий собственную субъектность, условия и коллизии этого процесса, выработка способов адекватно выразить данную трансформацию в теории – такова основная тематическая линия представленного исследования.*

Этим теоретическим обстоятельством постановка проблемы не исчерпывается, требуется прояснение и методологического порядка. Имеющиеся в наличии теории современного общества, рассматривающие его как «незавершенный модерн» (Ю. Хабермас), как продукт ускоренной социальной динамики в образе «текущей современности» (З. Бауман), как «общество риска» и «второй модерн» (У. Бек), как «общество позднего капитализма» (Ф. Джеймисон, П. Бурдьё) и пр. зачастую не достигают необходимой степени конкретизации. Будучи сосредоточены на общесоциальном фоне совершающихся процессов, они так или иначе отодвигают на второй план то, что происходит в сугубо человеческом, собственно индивидуальном аспекте, исследование которого отдается на откуп психологическим, медицинским, искусствоведческим и иным вне-философски ориентированным дискурсам. Вследствие чего определяющее специфику современности исторически особенное *сопряжение индивида и социума* в социально-философском отношении нуждается в конкретизации на уровне, адекватном вызовам современности. Что, таким образом, с необходимостью выводит исследование и в методологическую плоскость.

Степень разработанности темы исследования.

Со второй половины XIX века проблематизация категории «субъект» характеризовала практически все актуальные философские течения вне зависимости от объектно-объясняющего или субъектно-понимающего модусов его интерпретации.

В русле феноменологии, герменевтики и экзистенциализма методологическая критика касалась, прежде всего, концепций классического субъекта нового времени в направлении его «детрансцендентализации» и разработки перспективы «жизненного мира». Одновременно теоретически осмысливалась проблематика включения субъекта в объективные картины мира. Тема субъектности получала освещение через обращение к фундаментальным смысловым предпосылкам сознания, обнаруживая в то же время парадоксы интерсубъективности и самообоснования.

Сложившаяся в рамках психоанализа традиция рассмотрения субъекта сквозь призму категории «бессознательное» существенно повлияла на ведущие философские дискурсы, что существенно подрывало представление об автономии субъекта. На стыке

марксизма и психоанализа проблематику социального субъекта выявляла критически ориентированная социально-философская мысль, в которой на протяжении всего XX века преобладал анализ форм отчуждения человека в индустриальном обществе.

В диссертации ретроспективно рассматриваются обозначенные теоретические течения за исключением системно-функциональных и структуралистских подходов, где социальный субъект фактически растворяется в своих ролевых диспозициях.

Основное внимание в работе фокусируется на теоретическом анализе проблематики трансформации социального субъекта, начиная со второй половины двадцатого века. Важной линией социальных исследований становится изучение процессов усиливающейся индивидуализации современного социума в противовес, как традиционным обществам, так и обществам «организованного капитализма». Многочисленные эффекты этих процессов отслеживаются в работах таких теоретиков, как А. Турен, З. Бауман, У. Бек, Л. Болтански, Ж. Бодрийар, П. Бурдьё, П. Вирно, Э. Гидденс, П. Дардо, Ф. Джеймисон, Ж. Делез, Л. Дюмон, К. Лаваль, Ж. Липовецки, А. Негри, А. Рено, Р. Сеннет, Г. Стендинг, М. Фуко Д. Харди и др.

Концептуализация «смерти субъекта» в эпоху постмодернизма, ставшая приглашением к переосмыслению представлений о социальном субъекте, являясь отражением гносеологического кризиса парадигм классических и постклассических философий, одновременно отражала и онтологическую трансформацию субъекта в условиях политической ситуации, сопровождавшейся кризисом левых движений.

Что касается дальнейшего рассмотрения субъекта в разнообразных теориях под условным зонтичным брендом постпостмодернизма, то характерной особенностью здесь выступает свобода от концептуальных ограничений и акцент на актуальные тенденции текущего дня. Примерами анализа процесса трансформации социального субъекта в условиях глобализации, цифровизации, виртуализации, прекаризации, социального расслоения и т.д. могут послужить работы А. Барда, Ян де Воса, Я. Зодерквиста, Д. Ланье, У. Маккензи, Н. Срничека, Б. Стиглера, Р. Хассана.

Следует особо отметить важную для методологического аспекта данного исследования линию разработки проблемы субъекта в рамках советской общественной мысли. При этом отличительной чертой советской традиции всегда был плотный диалог между социальной философией и научной психологией (С.С. Батенин, Г.С. Батищев, А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, В.А. Лефевр, К.Н. Любутин, Ф.Т. Михайлов, М.К. Петров, М.А. Розов).

В последние десятилетия в отечественном философском дискурсе были широко представлены темы обновленного прочтения субъекта в свете неклассического типа рациональности, экзистенциализма, феноменологии, конструктивизма, постмодернизма (В.В. Бибахин, Ф.И. Гиренок, В.А. Лекторский, П.С., В.Е. Кемеров, В.А. Кутырёв, К.Х. Момджян, В.А. Подорога, В.Н. Порус, А.К. Секацкий, А.Е. Смирнов, Г.Л. Тульчинский, А.Ш. Тхостов, С.С. Хоружий, М.Н. Эпштейн). Внимание к проблематике социального субъекта нашло свое комплексное выражение и в рамках уральской философской школы: в работах В.Е. Кемерова проблема субъекта освещена в парадигме полисубъектности; тема личностной идентичности разрабатывается в работах А.Б. Невелева, Е.Г. Трубиной; многоаспектный анализ антропологического кризиса и ответа на него проведен В.А. Рыбиным; обоснована концепция развития инновационного и культурного потенциала России посредством системы образования для взрослых (С.Н. Некрасов); тема антропологической целостности человека поднята в работах П.Н. Кондрашова.

При всем разнообразии тематических исследовательских проектов можно отметить их недостаточную соотнесенность между собой на фоне естественного отказа от единой социально-философской парадигмы и от претензий на большие теории в условиях современности. Сложившееся положение, тем не менее, требует внесения четкой упорядоченности в исследуемую проблематику, осуществления строгой концептуализации методологических принципов и установок исследования, то есть формирования теоретико-методологической системы координат с целью выработки продуктивных способов познания и эффективных практических подходов к рассматриваемому феномену. Императивы этого рода и определяют основное направление данного диссертационного исследования.

Теоретические и методологические предпосылки исследования.

Базисной предпосылкой исследования особенностей трансформации социального субъекта выступает рассмотрение реальных коллизий общественного развития, которые представляют собой результат собственной активности живых индивидов, с большей или меньшей степенью осознанности воспроизводящих условия своего существования в конкретную историческую эпоху.

Ключевым для данного исследования является понятие «текущая современность» (З. Бауман), указывающее на переходный характер современной эпохи, рассматриваемой в контексте фазовой трансформации.

Важным методологическим ориентиром выступает и предложенная В.С. Степиным классификация: *классическая – неклассическая – постнеклассическая* парадигмы научного

познания. Если учесть, что сдвиги в научной теории, как правило, предшествуют более медленным смещениям в сфере социальной практики, то выделенная триада продуктивно проецируется на современность, где *классике* соответствует период индустриальной эпохи вплоть до Второй мировой войны, *неклассике* – возникшее после нее «общество массового потребления» или по-иному «общество зрелого модерна», а *постнеклассике* – период вызревания и нынешнего «расцвета» постмодерна.

Для осмысления социального субъекта как действующего в конкретных исторических условиях индивида парадигмальными остаются методологические разработки К. Маркса, связанные, во-первых, с возведением социальных феноменов к сфере практической деятельности, во-вторых, системно-исторический способ анализа. Обращение к подходам Маркса вызвано еще и тем обстоятельством, что на сегодняшний день марксизм сохраняет статус целостной социальной теории, составляющие которой в виде ряда концептов (*универсальной и целостной личности, отчуждения, превращенных форм*) создают возможность полноценного осмысления многочисленных кризисных проявлений современности, включая проблему субъекта.

Объект исследования: социальный субъект в системе социальных взаимосвязей, внутри которых реализуется совместная жизнедеятельность людей на историческом этапе незавершенного модерна и перехода к постмодерну.

Предмет исследования: процесс трансформации социального субъекта современности как задаваемый динамикой системного воспроизводства процесс изменения системно-статусных и индивидуально-личностных характеристик автономного индивида.

Цель исследования: определить основные закономерности и пределы данной трансформации, наметить наиболее продуктивные теоретические подходы и методологические принципы раскрытия специфики совершающегося процесса для практического решения возникающих при этом проблем.

Исследование проводилось с использованием метода восхождения «от абстрактного к конкретному», предусматривающего постепенное сужение поля исследования в процессе перехода от массива описательного материала к сущностному раскрытию проблемы. Отсюда **задачи исследования** выстраиваются в следующей последовательности:

1. Осуществить обновленную структуризацию наличного материала с целью выявления наиболее общих характеристик разворачивающейся в условиях

современности трансформации социального субъекта.

2. Обозначить пределы субъектной трансформации в «ситуации постмодерна», одновременно обосновав необходимость перехода к историко-генетическому рассмотрению проблемы.

3. Сформировать методологические подходы к исследованию этого процесса в определенных выше параметрах долговременных социально-исторических трендов.

4. Выработать концепт трансформации социального субъекта современности в виде целостной, сфокусированной на индивиде картины воспроизводства современного социума.

5. Обозначить дальнейшее направление совершающейся трансформации, наметив позитивные перспективы решения возникающих при этом проблем.

Результаты проведенного исследования резюмируются в следующих положениях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Особенности трансформации современного социального субъекта обусловлены фактором неспособности автономного индивида как базисного социального элемента текущей эпохи целенаправленно воздействовать на общесистемные социальные процессы, что на эмпирическом уровне заявляет о себе в многообразных кризисных проявлениях — системных со стороны объекта и экзистенциальных со стороны субъекта;

2. Перспективы субъектной трансформации в русле траектории «смерть субъекта» очерчиваются проектом трансгуманизма (постгуманизма), который предполагает качественное преобразование не только социального статуса современного индивида, но и его социо-психо-био-логического статуса, сформировавшегося в ходе естественной эволюции и закрепившегося как «норма». Для полноценного осмысления складывающейся при этом ситуации и выработки альтернативных вариантов дальнейшего общецивилизационного развития требуется подключение историко-генетической методологии с переводом исследования в теоретическое поле более обширных исторических трендов, нежели те, что непосредственно формируют «текущую современность»;

3. Оптимальным методологическим приемом реализации историко-генетического подхода к раскрытию поставленной проблемы выступает совмещение *гносеологического* (выраженного в сфере философской рефлексии) и *онтологического* (охватывающего социальную реальность в её духовно-практическом единстве) аспектов

ее рассмотрения, что позволяет интерпретировать долговременные, предопределившие специфику обозначенной трансформации исторические тренды как *преобразование традиционного общества* (основным элементом которого являются коллективы общинного типа) *в современное* (главным элементом которого является автономный индивид);

4. В этом процессе контурируются и противопоставляются друг другу *системный мир* технически прогрессирующего социального целого и *жизненный мир* выстроенного на традиционных началах частного, собственно индивидуального бытования, *на пересечении которых по траектории исторически неуклонного наступления системного мира на жизненный* формируется, а затем, утрачивая субъектные качества, трансформируется автономный индивид;

5. Окончательное истощение традиционных ресурсов жизненного мира означает превращение автономной человеческой индивидуальности в узкоспециализированный инструмент и функцию экономически ориентированного и глобально расширяющегося системного воспроизводства, что в сфере теоретической рефлексии манифестируется как «смерть человека» с последующей полной антропологической редукцией в виде трансгуманизма;

6. Прогрессирующее поглощение жизненного мира системным предопределяет формирование *смысловой пустоты* («экзистенциальный вакуум») с последующим *восполнением её ценностями и мотивами экономического, сугубо стоимостного порядка*, что в рамках традиционного социально-философского дискурса принято характеризовать как противоречие между *универсальностью* индивида, выражающей его ключевое значение в системном воспроизводстве – с одной стороны, и *отчуждением* его от возможности целенаправленного воздействия на социальный процесс и тем самым проявлять себя в качестве субъекта – с другой;

7. Прорисовывающаяся в современности перспектива социальной эволюции содержит в себе два варианта дальнейшей трансформации социального субъекта современности – либо движение по сложившейся траектории утраты индивидом своей субъектности с продолжением ее уже за пределами «антропологической границы», в сфере трансгуманизма, либо, как альтернатива всем деструктивным и нивелирующим субъектность тенденциям, реализация мероприятий, ориентированных на культивирование сознательно действующего, интегрированного в социум,

воссоздающего свою субъектность современного индивида.

Научная новизна проведенного исследования в общем плане определяется тем, что намечены системные ориентиры для комплексной разработки концептуального теоретико-методологического инструментария продуктивного изучения динамики трансформации социального субъекта в условиях нарастания сложности (проблем, угроз и рисков) современного общецивилизационного развития. В более конкретном варианте актуализированная в данном исследовании новизна предполагает следующие результаты:

1. Многообразные проявления трансформации социального субъекта современности, фиксируемые не только в социально-философском, но в культурологическом, психологическом, политологическом и иных дискурсах, представлены как производные базисного социального процесса субъектного генеза, определяющего специфику современной эпохи;

2. Чрезвычайно актуальный для современности феномен трансгуманизма представлен как закономерный результат долговременных общецивилизационных трендов;

3. Трансформации субъектного порядка, развертывающиеся в современности, вписаны в контекст более широких общеисторических тенденций, связанных с трансформацией локальных традиционных социумов в глобальное современное сообщество;

4. Осуществлено совмещение общецивилизационных трендов с выработанными в рамках европейской социально-философской теоретической традиции концептами системного и жизненного миров, пересечение которых представлено как основной ареал формирования современного индивида и вытекающих отсюда особенностей субъектной трансформации в контексте современности.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что синтез различных, использовавшихся ранее и используемых ныне при исследовании современного общества концептов и подходов осуществлен рефлексивно обоснованным способом — посредством выработки методологических приемов, которые позволяют усовершенствовать историко-генетический подход, сфокусировав его на особенностях процесса социальной трансформации в масштабах отдельного индивида.

1. Выделены взаимосвязи психологического, социологического, философского и социально-философского знания о социальном субъекте;

2. Обосновано положение, что именно социально-философская перспектива познания может служить основой для интеграции многообразия знаний о социальном субъекте;

3. Произведен сравнительный анализ теорий социального субъекта в рамках современных дискурсов, проблематизирующих и нивелирующих субъектную парадигму;

4. Разработан концептуальный инструментарий для рефлексии состояния социального субъекта в условиях современного общества;

5. Очерчены возможности системного, междисциплинарного и трансдисциплинарного исследований трансформации социального субъекта в контексте управляемой траектории общественного развития.

Степень достоверности полученных результатов исследования обеспечивалась: теоретическим анализом исследуемой проблемы; использованием комплекса методов и методик, адекватных целям и задачам исследования; соотнесением локальных положений исследования с прикладными аспектами социального знания.

Практическая значимость исследования заключается в раскрытии причин и закономерностей деструктивных аспектов субъектной трансформации, совершающейся ныне в условиях «текучей современности»; тем самым созданы предпосылки для понимания и реализации позитивных альтернатив. Положения диссертации могут быть использованы в качестве ориентиров при выстраивании методологии образовательных и тренинговых программ, направленных на развитие субъектной составляющей личности. Кроме того, разработка критериев субъектности может служить базисом нормативных воспитательных моделей в педагогике становящегося субъекта.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертационного исследования представлены в качестве докладов на международной научно-теоретической конференции «Поиск образа будущего в России и мире: новый общественный контракт» /в рамках научной темы «Качество жизни в России в XXI веке и академическая архитектура современной России: прогнозы культурного развития» (кафедра философии Уральского ГАУ, 30 мая 2017). Отдельные положения о перспективах субъектной трансформации под влиянием процессов автоматизации и цифровизации представлены в докладе конференции «Цифровизация производства: практические аспекты» /научно-практический семинар при содействии правительства Свердловской области (Екатеринбург, 30 июля 2019 г.).

Доклад «Качественные трансформации социального субъекта в общем контексте изменений современного общества: теоретико-методологические подходы» представлен на XXV Международный конкурс научно-исследовательских работ для учащихся и преподавателей, Организация «Всероссийское Общество Научных Разработок ПТСайнс» (31.10.2020). Методологические и практические положения реализованы в серии комплексных консалтинговых программ по внедрению корпоративных ценностей и развитию субъектного потенциала управленческих кадров (Русал, Роснефть, Мегафон).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 180 наименований.

С учетом обозначенных предпосылок, основной цели и задач исследования структура диссертации оформлена в логике движения от эмпирического уровня познания к теоретическому в следующей последовательности:

1. Анализ и отбор исходных наиболее значимых концепций в свете поставленной проблемы, то есть перестройка представленного в Степени разработанности проблемы исходного феноменологического материала в соответствии с заданными исследовательскими установками (Глава 1).

2. Выделение базисных общеисторических тенденций, в русле которых трансформация социального субъекта обретает фиксируемые в условиях современности черты, что требует первоочередной опоры на историко-генетический подход при использовании диалектической, системной и герменевтической методологии (Глава 2).

3. Введение упорядоченного в Главе 1 эмпирического материала в рамки конкретизированного в Главе 2 общесистемного видения и раскрытие основных закономерностей трансформации социального субъекта современности, концептуализация наиболее продуктивных исследовательских подходов с целью раскрытия закономерностей, конкретных характеристик и пределов этого процесса (Глава 3).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность исследования, дается обзор степени разработанности темы, вводятся теоретико-методологические основания исследования, определяются его объект, предмет, цели и задачи исследования, излагается новизна полученных результатов, теоретическая и практическая значимость работы.

Глава 1 Проблема трансформации социального субъекта современности в концепциях социально-философского познания

1.1 Феноменология проблемы

Обосновывается особое значение концепта «трансформация» в социальной рефлексии второй половины XX - начала XXI вв., что является свидетельством качественного методологического сдвига в трактовке общественных изменений (К. Поланьи, П. Вагнер, В.Г. Федотова). Трансформация предстает в значении инициируемого самим человеком социального изменения, приводящего к масштабным системным перестройкам, зачастую имеющим неуправляемый и даже разрушительный характер.

Субъектные изменения, разбираемые в параграфе, представлены рядом феноменов. Первая группа характеризуется как общий кризис идентичности субъекта, предполагающий утрату прежних форм, сложившихся в эпоху зрелого индустриального общества, и возникновение новых форм социальной идентификации в автономном режиме, без опоры на традиционные или паратрадиционные образцы (Э. Гидденс). В XXI веке тенденции этого рода захватывают широкие социальные сферы и обретают массовый характер, трансформируя семейный, гендерный, этнический, правовой и политический статус индивидов (А. Горц, М. Фишер). Значительно размывается на этом фоне классовая и профессиональная определенность в условиях распада системы долгосрочных договорных отношений, прекаризации (статус временного, случайного и малооплачиваемого труда), роста значения социальных платформ сети интернет в экономике обмена и совместного пользования (шерринговой экономики) (С. Лэш, Н. Срничек, Р. Уильямс, Д. Урри, Г. Стендинг).

Другой группой феноменов являются множасьщиеся формы социального отчуждения. Психологическая невротизация личности, одиночество в «не-местах» анонимного пространства, потеря чувства общности, эмоциональная неустойчивость, что в целом определяется как «экзистенциальный вакуум», «коллективный невроз нашего времени», «гедонистическая депрессия» (В. Франкл, М. Липовецкий, М. Оже, М. Фишер).

1.2 «Смерть субъекта» – обобщенный тренд индивидуально-субъектной трансформации в контексте современности

В данном параграфе анализируется один из наиболее популярных теоретических концептов последних десятилетий двадцатого века – «смерть субъекта». Метафорический концепт «смерть субъекта» методологически проясняется в качестве удобного теоретического построения, позволяющего фиксировать способы трансформации как реального статуса социального субъекта, так и его нормативных образцов.

Поскольку с момента своего появления концепт «смерть субъекта» был проинтерпретирован в различных версиях, далее предпринимается попытка наметить координаты философского осмысления пределов трансформации социального субъекта в рамках этого концепта.

Определяется, что концепт «смерть субъекта» не просто констатирует исчерпанность парадигмы классического субъекта эпохи модерна, но и обрисовывает длительный мегатренд тотального регресса от религиозной картины мира к секулярной и постсекулярной.

1.3 Трансгуманистические перспективы индивида после «смерти субъекта»

В параграфе рассматриваются способы трансформации социального субъекта, совершающейся по линии утраты в автономном индивиде качеств субъектности, что находит свое выражение в трансгуманистических проектах современности.

Отмечается, что новоевропейская цивилизация техногенного типа заведомо несла в себе предпосылки тотальной самотрансформации человека. Это значит, что рано или поздно в ходе ее развития не могла не возникнуть проблема столкновения субъекта этого процесса не только с природой и социальным целым, но и с собственными технологиями. Причем, проблема эта и должна была проявиться в форме неожиданных эффектов, поскольку, концентрируясь на соображениях близкой практической пользы и дистанцируясь от необходимости осмысливать отдаленные результаты собственной активности, субъект технологически прогрессирующей новоевропейской культуры уже изначально исключил возможность управлять и контролировать процесс собственной трансформации.

В параграфе делается вывод, что для углубления анализа требуется выявить более широкие исторические тенденции, определившие нынешнюю ситуацию как в плане системного оформления социальных взаимосвязей современного сообщества, так и в плане зависимости его структуры от уровня развития человеческих индивидов, что означает привлечение историко-генетического подхода, который становится ведущим методологическим приемом в Главе 2 данной работы.

Глава 2 Концептуализация проблемы трансформации социального субъекта современности

2.1 Теоретико-методологические предпосылки

Обсуждается вопрос о теоретической оптике, которая могла бы дать если не абсолютно истинную, то хотя бы достаточно адекватную, максимально приближенную к достоверности картину эволюции субъектного статуса индивида в социальной

реальности. Поскольку таковая на данный момент распадается на разрозненные точки зрения, а претендующая на достоверность парадигма марксизма не вернула прежней легитимности в официальной науке, то выбирается путь критического переосмысления релевантного эпохе теоретического материала и отбора наиболее продуктивных его компонентов.

2.1.1 Первая трансформация – эпоха классического субъекта

В качестве основной социокультурной предпосылки всей классики рассматривается процесс выделения отдельного индивида в роли волящего и рационального субъекта.

Но поскольку история социального субъекта в Новом времени не может быть представлена в линейной перспективе, то можно говорить о сумме векторов, стягивая в одно поле картезианское *cogito*, трансцендентального субъекта и абсолютный разум в плоскости метафизического мышления. Одновременно отслеживаются линии индивидуализации субъекта в англосаксонском эмпиризме.

Далее рассматривается формирование критических теорий «философов подозрения», наиболее «взрывными» среди которых стали теории Маркса, Ницше и Фрейда, поскольку не только оказали огромное влияние на философскую и социальную проблематику неклассической философии, но и сами явились идеологическими источниками соответствующих социальных преобразований.

При обращении к генезису проблемы социального субъекта в ходе самого процесса модернизации современной культуры, выделяются два этапа. На первом этапе – выработка нормативных моделей субъекта и одновременно критика традиции, чему на уровне философской рефлексии соответствует обоснование субъекта вне рамок религиозной догматики и предписаний традиционного общества. На втором этапе, по ходу развернутой реализации проекта модерн – намечается критика собственных нормативных моделей субъекта на фоне системных пороков общественного устройства.

2.1.2 Вторая трансформация – эпоха неклассического субъекта

В разделе рассматривается отражение темы субъекта в философской рефлексии 20-го века на примерах анализа отчуждения и духовного кризиса человека (О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, Н. Бердяев, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и др.). При этом позитивным теоретическим результатом следует считать сосредоточение критической философской мысли на фигуре самого человека, хотя и предстающего в формах своей социальной недостаточности.

Проекция данного положения на совокупную сферу философской рефлексии позволяет сделать вывод, что найти выход из нынешней ситуации, то есть фактически «спасти» социального автономного индивида, превратив его в подлинного субъекта социального действия, изнутри философского дискурса позднего модерна, с опорой на выработанные в его рамках концепты, не представляется возможным. Необходим более общий масштаб.

Это означает, что требуется осуществить «сборку» обладающей необходимой степенью разрешения теоретической оптики, с гносеологической точки зрения включив наиболее адекватные поставленной задаче теоретико-методологические концепты в состав единой теоретической целостности более высокого порядка, а с онтологической точки зрения — прояснив сущностное социальное содержание коллизий, переживаемых современным индивидом в ходе его субъектной трансформации.

Далее обосновывается, что условием формирования доминирующих ныне линий трансформации социального субъекта, является преобразование традиционного общества в общество современное (сначала индустриального, а потом, на фоне перехода модерна в постмодерн, также и постиндустриального типа).

2.2 Базисные факторы трансформации современного социума и индивида: формирование концепта

В учении Макса Вебера социальный субъект отождествляется с субъектом осмысленного в конкретных исторических формах — в образе «идеальных типов» — индивидуального действия. Процесс выработки все более совершенных идеально-практических форм и составляет, согласно Веберу, процесс рационализации жизненных сфер, некогда регулируемых традицией. Становление индустриального капитализма происходит как экспансия схем целерационального действия во все жизненные сферы при одновременном вытеснении из них всех проявлений традиционной — дорациональной, внерефлексивной — регуляции.

Юрген Хабермас, развивая линию Вебера на современном материале, существенно модифицирует ее. Нововведения Хабермаса, обладающие эвристической значимостью для данного этапа проводимого исследования, сводятся к следующему. Во-первых, Хабермас в составе единой схемы четко разводит по противоположным полюсам системный мир, представляющий собой предельно широкую социальную сферу, в состав которой включен взаимодействующий с обществом индивид, — с одной стороны, и жизненный мир (концепт Э. Гуссерля, усовершенствованный А. Шюцем), образующий ареал частного, сугубо индивидуального существования, — с другой. Собственно говоря, индивид как

личность формируется на пересечении этих двух миров. И, во-вторых, Хабермас раскрывает коллизии индивидуальной трансформации как постепенное вымывание реликтов традиционности из сферы частной жизни, которое совершается в ходе неуклонного наступления системного мира на мир жизненный.

В сочетании этих двух тенденций проявляется глубинная логика коллизий, складывающихся в процесс неуклонной трансформации социального субъекта современности в среде «омывающего» его современного общества.

Чтобы завершить картину целостного охвата совершающихся трансформаций индивидуализированной субъектности, в параграфе обосновывается необходимость формирования единой масштабной рамки изменения роли индивида в историческом процессе за пределами Нового времени и экстраполяции выявленных тенденций в будущее. Рассматриваются несколько вариантов концептуализации мега-трендов эволюции социального субъекта (Ю. Хабермас, Л. Дюмон, В.Е. Кемеров). Расширенный взгляд через масштаб индивидуальных революций позволяет вписать описанные трансформации социального субъекта в общецивилизационную размерность.

1. Первая индивидуальная революция на исторической оси определяется самими границами возникновения «осевого времени» (К.Ясперс). Определяющую роль здесь играет образование античного полиса как некоей особенной, специфической только для европейского пути развития социальной формы человеческого бытия (М.К. Петров.). О социальном субъекте в его новоевропейском варианте тут еще говорить не приходится, но можно утверждать о становлении некоего социального принципа, оппозиционного иерархическому принципу традиционного жизнеустройства. На фоне достижений иных философских и культурологических школ, представители которых убедительно обосновали многомерность социокультурной эволюции современного человечества, в двадцатом веке окончательно подтвердилось, что современный человек в образе автономного индивида возник не из «пещерного рая» или «естественного природного состояния» и даже не в результате эволюционных трансформаций восточных традиционных цивилизаций, но сформировался на основе уникальной «мутации» исторического развития, представленной античной культурой.

2. Вторая индивидуальная революция связывается с историей Нового времени. Ее признаки — постепенное освобождение социального субъекта от традиционных форм и принятие социумом идеи прогрессивного развития с опорой на науку и рационализацию общественного устройства. Внутренним же, сущностным признаком этого индивидуального сдвига становится стремление субъекта обосновать свою автономность с помощью

рациональной стратегии. На эти процессы мощное воздействие оказывает непрерывно прогрессирующее расслоение системного и жизненного мира, что по мере развития усиливает дезинтеграцию человека и общества, проявляющуюся на поверхности социального бытия как нарастающий кризис духовности. Исчерпание исторической энергии этой второй революции означает завершение эпохи модерна, которое в политическом плане знаменуется экстенсивной экспансией либеральных принципов во все сферы глобализируемого мирового сообщества, а в плане субъекта заявляет о себе превращением автономного индивида в придаток системы рыночных отношений со всеми вытекающими отсюда более частными социальными и психологическими эффектами.

3. Третья индивидуальная революция непосредственно происходит в наши дни, как коллизия в духе «незавершенного модерна» (Ю. Хабермас). Главный нерв третьей революции проявляется в стремлении человека овладеть общественной системой и самим собой как источником общецивилизационного развития. Задача текущего преобразования – выход социального субъекта на принципиально новый уровень бытия, адекватный достигнутому на переломе 20-21 веков уровню развития общечеловеческой культуры, включая ее научно-технический компонент.

С учетом очерченной таким образом комплексной картины создается возможность раскрыть закономерности того механизма, в логике и русле которого трансформируется субъектность автономного индивида.

2.3 Механизмы трансформации социального субъекта современности

Общую логику данной трансформации на методологическом плане схватывает модель двух контуров социального воспроизводства, предложенная В.А. Рыбиным, совмещенная с концепцией механизмов нисходящей и восходящей историчности (К.Н. Любутин, П.П. Кондрашов). В этом прочтении системный уровень соответствует тому, что в марксистской теории задается общими параметрами социально-экономической формации: способом производства, технологическим укладом, институтами управления и распределения. Средний уровень воплощается в особенностях образа жизни тех или иных социальных групп (классов, сообществ, территориальных или функциональных кластеров системы). А единичная реализация воплощается в повседневности жизненного мира, в котором разворачивается практическая активность индивида.

Наложение данных механизмов на схему соотношения жизненного и системного миров помогает зафиксировать, что трансформация социального субъекта современности протекает по линии утраты человеком своей универсальности в процессе взаимодействия системного и жизненного миров в той форме их сопряжения, которая сложилась по ходу

становления и развития современной культуры, начиная с промышленной революции, превратившей социум европейского типа в авангард общецивилизационного развития. Специфика этого процесса обусловлена главным образом интенсификацией научно-технического прогресса и формированием ситуации, которая характеризуется состоянием «переусложнения культуры», что, как правило, предшествует ее полному распаду.

В этом плане наблюдаемые ныне кризисные тенденции можно уподобить наступающему как «время перемен» кризису традиционных культур (Древний Восток, цивилизации Мезоамерики), основанных на профессионально-семейном типе воспроизводства (М.К. Петров), но с учетом поправки на специфику современности, где современная культура окончательно отделена от традиционной, а главным социальным элементом является уже не община, но отдельный автономный индивид. И именно он становится точкой концентрации всех современных кризисных проявлений.

Буржуазная культура рыночной эпохи, по утверждению Хабермаса, никогда не воспроизводила саму себя из собственных «фондов»: она всегда нуждалась в дополнении посредством традиционалистских картин мира. Это обстоятельство в конечном счете обернулось подрывом той формы сопряжения системного и жизненного миров, которая сложилась в результате социальных и технических революций последних двух веков.

Но традиционные жизненные миры в европейской культуре, начиная с античности, неизменно были носителями человеческой универсальности в ее ограниченной форме (сначала полисной, затем сословно-общинной, а потом и частно-семейной), и потому их полное истощение без адекватной замены в итоге не могло не привести к полному поглощению исторически сформировавшейся автономной человеческой индивидуальности новой формой редукции, почти без остатка сводящей индивида к исполнению стандартных функций инструментального характера.

А это означает, что вся современная европейская культура, включая ее внутренние социальные конструкции, в своем прогрессирующем развитии, по меньшей мере, за последние двести лет наращивалась на все более тонком антропологическом основании – с приближением к биологическому пределу умственных и физических возможностей человека, а, следовательно, и к последующему распаду приводимых им в движение систем социального воспроизводства. Особенно губительно это противоречие проявилось во второй половине 20 века в странах «реального социализма», обладавших огромным грузом неизжитой традиционности, которая закономерно распадалась по ходу самих «успехов социалистического строительства», тогда как распад этот, не будучи осознан адекватно, действовал непонятным и тем более разрушительным образом.

Окончательный срыв индустриальной в своих материальных основах формы сочетания системного и жизненного миров произошел в последние десятилетия 20 века, когда в наиболее передовых регионах современной цивилизации (США, Западная Европа, Япония, затем Россия) стало распространяться явление глубокого смыслового кризиса, который получил название «кризис утери смысла жизни» или «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл). Между тем это были только первые, но неуклонно умножающиеся проявления более сложных деструктивных процессов на уровне индивида, общая картина которых была дана в первой главе данного исследования.

Глава 3 Перспективы решения проблемы трансформации современного социального субъекта

После того, как был описан механизм субъектной трансформации в системе современного социума, мы проецируем установленные закономерности на «текущую современность» наших дней для того, чтобы зафиксировать проявления этой трансформации во всей их конкретности, одновременно проследив, выводятся ли феномены, обозначенные в Главе 1, из этих закономерностей.

3.1 Социальные эффекты трансформации современного социального субъекта

Предпосылки действия указанного механизма Перри Андерсон определяет краткой формулой «непоколебимая система и бессильный жизненный мир». Фактически это означает, что обозначенная выше «экзистенциальная пустота» представляет собой продукт «окаменения» или «кристаллизации» внешней социальной формы (Г. Зиммель), заключающей в себе нарастающую пустоту содержания — то, что Хайдеггер именуется термином «лишенность» (Fehl). Отсюда — и все иные, более частные проявления процесса трансформации индивидуальной субъектности, которые применительно к индивиду целесообразно рассмотреть последовательно — сначала в виде эффектов, обусловленных внешними воздействиями социального генеза, а потом в виде вытекающих отсюда эффектов собственно внутреннего, индивидуально-личностного и психологического порядка.

Индивид, закрепленный в социальной структуре системного мира и одновременно переживающий внутреннюю деструкцию в результате исчерпания традиционного потенциала жизненного мира, все меньше оказывается в состоянии фиксировать непрерывно нарастающий массив коллективного опыта, и потому основная нагрузка ложится на совокупную социальную систему, устойчивость которой обеспечивается углубляющимся разделением всего ее массива по различным социальным группам,

стратам, специализациям, профессиям (то, что в марксистском дискурсе именуется «углубление разделения труда»).

Для характеристики данной тенденции в индивидуальном плане наиболее адекватным остается понятие «отчуждение». Многочисленные антропологические феномены общества потребления и массовой культуры могут быть истолкованы как проявление процесса противопоставления субъекта — результатам собственной его деятельности, которые на первом уровне воплощаются в явлениях технического и технологического порядка, а на втором — более глубоком, базисном — задаются факторами социального и экономического порядка.

В этой же логике могут быть проанализированы и многие обозначенные в Главе 1 трансгуманистические проблемы, в которых субъект сам становится объектом внешних трансформаций. Виртуализация личности, появление фейковых идентичностей, расщепление субъекта предстают как действие тех или иных форм овеществления. Общим же во всех этих примерах является базовая переориентация активности социального субъекта с вектора преобразующей активности на вектор приспособления к параметрам изменяющейся внешней среды, причем (что и составляет основной парадокс) среды искусственной. Формируется, так сказать, парасубъект, который в отличие от фрагментированной или ложной субъектности (квази- и псевдо-субъекты позднего модерна) сливается с бессодержательной идентификацией в рамках заданных извне алгоритмов реагирования. При этом важно, что данный тип субъекта не нуждается в формировании устойчивой во времени внутренней конфигурации или личностной идентичности. Мы могли бы назвать данный феномен возникновением случайной формально-полевой сборки субъекта, приходящей на смену как «модульному человеку», так и массовому субъекту в процессе третьей трансформации. Реализация этого сценария означала бы практическое воплощение «смерти субъекта» в различных версиях непсихиатрических диссоциативных расстройств и деперсонализаций.

Всё это позволяет конкретизировать сделанный в Главе 1 вывод об утере управляемости следующим образом: основным противоречием современного этапа социального развития выступает противоречие между требованием автономии субъекта, предполагающим его центральное положение в сети системных процессов, и возрастающим отстранением индивида от сознательного воздействия на внутренние и внешние условия его жизни, вплоть до угрозы полного поглощения его автономии тотальными безличными системными процессами, что и проявляется в потере субъектной ориентации.

3.2 Индивидуально-личностные эффекты субъектной трансформации

Далее, поскольку довлеющие над субъектом внешние определения обусловлены системой рыночных отношений, то и внутренние эффекты интерпретируются как производные сугубо экономического генеза. Рамками этого отношения задается содержание параграфа.

Социальная система обслуживает экономическую логику циркуляции капитала. Но, если социальные субъекты безнадежно встроены в замкнутую логику его циркуляции, то чем же тогда руководствуются сами социальные субъекты? Их положение определяется как рассмотренными выше внешними по отношению к индивиду принципами функционирования социума, так и собственными, внутренними, индивидуально-личностными ориентациями, которые продуцируются сферой жизненного мира, переводящей социумное воздействие в повседневную индивидуальную активность. Подобного рода преобразование осуществляется посредством смыслов.

Судьбой социального субъекта, обменивающего «смысл» на «стоимость», становится добровольно-принудительное возвращение в себе нормативных компетенций. «Цифровой критерий» в силу своей простоты и крайне низкой стоимости при реализации выглядит идеальным критерием рыночного обмена. Поэтому «цифра» становится единственным мерилем ума, способностей, таланта и даже маргинальности человека. Хотя особенность ситуации заключается в полной абстрактности количественной оценки применительно к субъекту. Именно в этом значении абсолютизированное экономическое отношение осуществляет экспансию во все сферы социального, к тому же подкрепленную легко фабрикуемыми технологиями жизни в логиках техноотчуждения: инкапсуляции, унификации и неотвратимости.

Иными словами, у современного социального субъекта становится меньше возможностей и потребностей выходить за рамки функционирующего «системного мира» в условиях, когда «жизненный мир» стремительно сокращается. Логика отчуждения не предполагает механизмов субъективации индивида вне системного мира, разрастание которого, однако, не предполагает ничего иного, кроме утраты индивидом качеств субъекта.

3.3 Общие перспективы управляемой трансформации современного социального субъекта

Прорисовывающаяся в современности перспектива социальной эволюции содержит в себе два варианта дальнейшей трансформации социального субъекта современности — либо продолжение движения по сложившейся траектории утраты

индивидом своей субъектностью с продолжением ее уже за пределами «антропологической границы», в сфере трансгуманизма, либо, как альтернатива всем деструктивным и нивелирующим субъектность тенденциям, реализация мероприятий, ориентированных на культивирование сознательно действующего, интегрированного в социум и воссоздающего свою субъектность современного индивида.

Далее в работе обосновывается, что кризисные варианты развития не являются поводом для откатного движения от модернизации в сторону традиционного общества, поскольку редукция субъектного начала индивида была бы лишь формой искусственного усечения антропного и социального потенциала, открытого новым временем. Рассматривается вопрос, где и какими способами внутри механизмов нисходящей и восходящей историчности должны быть встроены регуляторы, позволяющие на всех системных уровнях реализовывать гуманистическую установку на воссоздание и реализацию культурной целостности и универсальности на уровне отдельного индивида.

Обозначив те линии, в русле которых социальные «угрозы» обладают возможностью переходить в «кризисы» и затем перерасти в «катастрофы», в завершении работы мы намечаем базисные принципы решения рассмотренной проблематики или контртенденции как возможные контрмеры наличным «угрозам» и «рискам».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Здесь определяются перспективы дальнейших исследований. Первое направление связано с анализом возможных системных рисков, связанных с нивелированием субъектного статуса индивида. В привычном ракурсе в фокус внимания попадает обыденная для философской традиции тема экзистенциальных следствий системных трансформаций для субъекта. Обратная же перспектива, направленная на изучение сбоев системного воспроизводства, завязанного на сбое воспроизводства субъекта, в современном философском дискурсе артикулирована в меньшей степени. Таким образом, критика техноотчуждения и постгуманистических проектов получает дополнительное прагматическое измерение.

Второе направление дальнейших исследований касается инвентаризации и сравнительного анализа нормативных моделей социального субъекта в исторических и цивилизационных контекстах. Линия генеалогии субъекта, проработанная в поздних исследованиях М. Фуко и продолженная во многих локальных контекстах, может быть расширена системным сопоставлением субъектных практик как таковых с социокультурными типологиями субъекта.

Третье направление связывается с выстраиванием методологии прикладных

образовательных и тренинговых проектов, нацеленных на целостное воспроизводство социального субъекта с учетом обобщенных критериев субъектности и ориентированных на интеграцию теории и практики в русле реализации проектов гармоничного развития общества.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Шкарин Д. Л.** Качественные трансформации социального субъекта в общем контексте изменений современного общества: теоретико-методологические подходы / Д. Л. Шкарин, Е. В. Шелестюк // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 53. – С. 95–107. – 1,17 / 0,58 а.л.

Web of Science: Shkarin D. L. Qualitative transformations of the social subject in the general context of changes in modern society: theoretical and methodological approaches / D. L. Shkarin, E. V. Shelestyuk // Tomsk state university Journal of philosophy sociology and political science. – 2020. – № 53. – P. 95–107.

2. **Шкарин Д. Л.** Трансформация социального субъекта современности: к вопросу о методологии познания / Д. Л. Шкарин // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2018. – № 6. – С. 24–29. – 0,7 а.л.

3. **Шкарин Д. Л.** Отчуждение в неолиберальном обществе: к вопросу о трансформации социального субъекта современности / Д. Л. Шкарин // Сибирский философский журнал. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 75–85. – 0,63 а.л.

4. **Шкарин Д. Л.** Концепт «кризиса идентичности» в современном социально философском дискурсе: теоретико-методологический аспект / Д. Л. Шкарин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – №5 (415). – С. 71–77. – 0,67 а.л.

5. **Шкарин Д. Л.** Диссоциативное расстройство идентичности в контексте социальной философии / Д. Л. Шкарин, Е. В. Шелестюк // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Т. 6, № 2А. – С. 57–67. – 0,69 / 0,46 а.л.

6. **Шкарин Д. Л.** Теория и практика ритмологии в культурном пространстве современного общества / Д. Л. Шкарин, Е. В. Шелестюк // Социально-политические науки. – 2019. – № 1. – С. 150–155. – 1,06 / 0,53 а.л.

Публикации в прочих научных изданиях:

7. **Шкарин Д. Л.** Концепция подключения молодежи к осмыслению внутригосударственных национальных противоречий / Д. Л. Шкарин // Права человека: психолого-педагогические аспекты : тезисы докладов и сообщений научной конференции. Екатеринбург, 25–27 января 1996 г. – Екатеринбург, 1996. – С. 8–9. – 0,28 а.л.

8. Кокорин И. А. Политические предпочтения молодежи / И. А. Кокорин, **Д. Л. Шкарин** // Практическая психология'99 : материалы региональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 30 марта–1 апреля 1999 г. – Екатеринбург, 1999. – Т. 2. – С.189–193. – 0,3 / 0,15 а.л.

9. Останин А. А. Сложности в процессе формирования у молодого психолога готовности к взаимодействию с бизнесом (способы преодоления) А. А. Останин, **Д. Л. Шкарин** // Психолого-педагогическое сопровождение образования: традиции и инновации : сборник научных трудов. – Екатеринбург, 2010. – С. 163–169. – 0,4 / 0,2 а.л.

10. Титов А. Поколение ТМ: от хронометража до неспешных дел / А. Титов, **Д. Л. Шкарин** // Альманах «Тайм-менеджмент». – Москва, 2010. – С. 12–18. – 0,45 / 0,27 а.л.

11. **Шкарин Д. Л.** Значение субъектных практик в социальном процессе современного общества / Д. Л. Шкарин, Е. В Шелестюк // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8, № 6А. – С. 222–232. – 0,95 / 0,47 а.л.

12. **Шкарин Д. Л.** Человеческий фактор и мотивации персонала на цифровую трансформацию предприятий / Д. Л. Шкарин // Цифровизация производства: практические аспекты : Дайджест выступлений научно-практической конференции. Екатеринбург, 30 июля 2019 г. – Екатеринбург, 2019. – С. 5–6. – 0,26 а.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательства Томского государственного университета
Заказ № 7375 от «20» января 2022 г. Тираж 100 экз.
г. Томск, Московский тр.8, тел. 53-15-28